

Летучий А.Б. Диалектный корпус: состав и особенности разметки // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / Отв. ред. В.А. Плунгян. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 114-128.

Рахилина Е.В. Корпус как творческий проект // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / Отв. ред. В.А. Плунгян. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 7-26.

М.Н. Гафурова (Россия, Екатеринбург)

ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СПОСОБ ДИАГНОСТИКИ СУБЪЕКТА НОМИНАЦИИ

Круг методических приемов и подходов, в том числе и эмпирических, применяемых исследователями в отношении того или иного языкового материала, в современной лингвистике постоянно расширяется. Использование эксперимента как исследовательской техники не вызывает вопросов. В частности, психолингвистика активно прибегает к таким методам, как семантическое шкалирование (метод семантического дифференциала по Ч. Осгуду), направленный ассоциативный эксперимент, ассоциативно-словообразовательный эксперимент, методика дополнения, метод интроспекции и др. (см. работы А.А. Залевской, Л.И. Кочегаровой, Л.В. Сахарного, И.А. Стернина, Р.М. Фрумкиной, А.М. Шахнарвича, Н.М. Юрьевой и мн. др.). С помощью этих приемов изучаются процессы восприятия и порождения речи, развития речевой деятельности в онтогенезе, структуры ассоциативных полей и др. В рамках разработки теории номинации также используется особый род эксперимента, ономаσιологический. Его важной особенностью является включенность в собственно языковую сферу: любой довербальный опыт в данном случае проходит через языковое сознание индивида и воплощается в конкретной языковой единице. Для теории номинации использование такого метода является необходимым в силу природы рассматриваемой лингвистической техники, природы процессуальной и неосознаваемой субъектом.

Выделяется несколько типов экспериментов, применяемых в лингво-когнитивных исследованиях. Собственно ономаσιологический эксперимент направлен на получение массива номинаций, далее обычно классифицируемых и используемых в зависимости от фокусировки исследования на определенном элементе ономаσιологического процесса. Лексико-ономаσιологический эксперимент предполагает создание новых номинаций при заданном лексическом материале. Его задачей является выявление номинативных возможностей лексико-семантической группы, потенциальных метафорических значений ее единиц. В ассоциативно-ономаσιологическом эксперименте ономаσιологическая задача дополняется исследованием ассоциативного поля производящего слова. Перечисленные типы экспериментов отличаются процедурой проведения и в целом научно-практическим потенциалом (подробнее см. [Рут 2008: 134–150]).

Характеристика используемых эмпирических методов показывает, что, как правило, внимание исследователей-ономаσιологов сосредоточивается на таких элементах, как объект, язык и действительность. Но, определяя акт номинации как «речемыслительный процесс, направленный на выбор или создание подходящего для именуемого предмета, ситуации или ее частей наименования» [Кубрякова 1984: 126–127], мы должны обращать внимание и на субъекта этого процесса, не просто осуществляющего его, но и представляющего себя посредством номинации. Без постановки вопроса о способах характеристики номинатора изучение ономаσιологического процесса не может считаться полным.

Одним из вариантов подобной диагностики является собственно ономаσιологический эксперимент как наименее специализированный из перечисленных, а потому и предоставляющий самый широкий спектр возможностей. Опираясь на опыт собственного исследования, рассмотрим процедуру проведения эксперимента в том случае, если в фокусе внимания субъект номинации.

Отметим, что речь идет о предметной номинации, позволяющей экспериментатору не только наблюдать за процессом «знакомства» испытуемого с предметом, но и осуществлять мотивационный анализ материала. Создание кратковременной номинативной ситуации при поставленной нами задаче вполне достаточно: «длительность опыта в данном случае не имеет никакого значения. Важно, чтобы опыт этот был, так как опыт всегда предшествует наименованию» [Серебренников 1977: 147]. Количество объектов для одной серии, с нашей точки зрения, не должно превышать 10, т. к. при увеличении их числа у участников эксперимента «возникает усталость», номинаторы начинают относиться менее внимательно к предмету и поставленной задаче. Появляются такие номинации, как *прочий мусор*, *железяка*, *штучка* и др., которые обычно выбиваются из общего ряда единиц данного субъекта номинации, не могут быть исполь-

зованы при его когнитивной характеристике и подчас просто исключаются при анализе. Также в случае предложения за один раз большого количества предметов возможны повторы: *элемент декора* (4 раза), *болт* (3 раза), *пряность* (4 раза) и др. Особенно на этот фактор следует обращать внимание, если речь идет об однотипных объектах. Ограничивая количество номинатов, предлагаемых за один раз, мы можем провести несколько серий ономаσιологического эксперимента, что обеспечит получение достаточного массива номинаций от каждого испытуемого и представление номинативного фона. Например, 831 единица (с учетом всех вариантов), полученная нами за четыре серии от 20 испытуемых была достаточной для общей классификации. Кроме того, неоднократное проведение эксперимента может некоторым образом снять эффект ситуативности, важный если не в когнитивном, то в аксиологическом плане. Так, один из участников нашего эксперимента в очередной серии предлагает нейтральные номинации *орден, часы, ягода, дитя, сад* и т. п., а в другой – *гуманоид, мусорка, разочарование, жестокость* и т. п., что не было обусловлено характеристиками объектов.

Безусловно, важным фактором является не только количество, но и тип номинатов. Во-первых, следует обратить внимание на набор гипотетических мотивировочных признаков. Необходимо учитывать не только наиболее часто отражаемые визуальные характеристики: форму, цвет, изображение, размер, но и запах, звук, функцию, характер поверхности и др. Число и комбинация характеристик должны варьироваться, чтобы исследователь имел возможность судить о способах отбора и комбинации мотивировочных признаков испытуемым. Так, номинатор может ориентироваться только на визуальный канал восприятия: *морда крокодила, финик, кипарисовое дерево* (для перчика с семенами внутри), *веер, плот, лодочка* (для лаврового листа), *яйцо, ананас, орех* (для сухоцвета в форме небольшого шарика с шершавой поверхностью); или же актуализировать иные признаки: *маракас, погремушка* (звук), *ароматизатор, запах супа* (запах), *мохнатик, ежик* (характер поверхности) соответственно. Предлагая классы предметов с широким спектром признаков, например, сушеные растения, разного рода сосуды, мы можем оценить принципы ономаσιологической селекции данного субъекта номинации. С другой стороны, давая задания по номинации таких «однообразных» предметов, как пуговицы или металлические предметы (среди них разного рода болты, гайки, карабин, шаровой кран), экспериментатор получает возможность наблюдать за номинатором, решающим более сложную когнитивную задачу. Об этом, в первую очередь, свидетельствует временной фактор: на каждую из предлагавшихся нами групп тратилось 20–30 минут (в зависимости от номинатора), а в случае с металлическими предметами на группу приходилось около 40–50 минут. Фактически номинативной опорой здесь была только форма, один из самых «замечаемых» нами признаков, т. к. и в пространстве мы ориентируемся в первую очередь благодаря визуальному восприятию. Однако получившиеся номинации свидетельствуют о сложности интерпретации подобных предметов: *шестигранник, звездочка, колесо, стрела, полено, гвоздь* и др. В то же время ряд номинаторов в этой ситуации достаточно неожиданно задействовали функциональный фактор, собирая предметы в сложные конструкции и называя их *карусель, трансформер, мясорубка*. Кроме того, появлялась образная номинация для отдельных объектов: *прогресс, взрыв, тевтонский рыцарь* и др., что в принципе не является характерным для такого рода номинатов [Рут 2008: 140]. Отметим, что образная номинация как наиболее информативная, в том числе и субъектно, избирает объекты определенного типа, тем не менее, ограничиваясь этим фактором, мы не сможем в полной мере оценить прагматику номинатора, определить его номинативную установку при отборе и лингвистической «упаковке» признаков.

В субъектно ориентированном эксперименте целесообразно использовать как нейтральные предметы (не провоцирующие на определенное название, продиктованное какой-либо ярко выраженной особенностью), так и предметы, «программирующие» на номинацию. Благодаря этим «ловушкам» мы могли пронаблюдать, следует ли участник типичным моделям, либо проявляет творческие способности при работе с денотативно или системно запрограммированными на определенную номинацию предметами. Так, одни испытуемые для пуговиц с каким-либо изображением или пуговиц в форме чего-либо (ягоды, горошины) давали следующие прямые номинации: со звездой, серпом и молотом – *звездочка, звезда, серп и молот*; с циферблатом часов – *часы, часики, циферблат*; с изображением герба – *герб, герб страны*; со львом – *портрет льва, лев, львиная голова, лева*. Другие же выбирали не столь заметный мотивационный признак или предлагали опосредованную образную номинацию: *смерть врагу – конец расчету, коммунизм, Октябрьская революция, елочная верхушка* (пуговица со звездой), *колесико на автомашине, мишень* (с циферблатом часов), *перстень* (со львом), *Тристан и Изольда* (с изображением герба).

Важным для описываемого типа эксперимента является создание максимально близких к естественным отношений субъекта и объекта номинации в процессе познания. Одним из способов в этом плане является обеспечение возможности определения: выделить один из предметов либо назвать группу, осознать ее как единое целое. Благодаря такому допущению наряду с номинациями субъекта, для которого характерен аналитический подход (выделение объекта и описание его свойств), *чешуйка, пикулька, урючина, куриная лапка, яйцо*, для тех же объектов мы встречаем «объединяющие» единицы у номинатора с холистическим когнитивным подходом (обращение внимания на возможные связи, взаимодействия предметов): *лодочка с веслами, сайра, морской еж, коралл* – с комментарием *морская стихия получилась, так все подобралась*. Частным случаем экспериментальной предпосылки подобного рода является наличие в группе номинатов, соотносимых по всем, кроме одного, признакам. Например, два сухоцвета, отличающиеся только цветом, получают коррелирующие номинации: *детство в деревне – детство в городе, зеленый кедр – кедр, каракатица зеленая – каракатица красная*. Не каждый субъект номинации обращает внимание на такие факты, достаточно частотны «аналитические» единицы для тех же предметов: *бананы, пальмочка, факел, перо попугая, месяц, улитка* и др., что также становится показательным при характеристике номинативного стиля.

Определяя задачу как диагностику личности номинатора, имеет смысл обратить внимание и на собственно лингвистические характеристики предлагаемых предметов, на наличие/отсутствие у номинатов визуального имени. Гиперонимическое определение (сосуд, вместилище, пуговица, сухоцвет) может в данном случае не учитываться, т. к. оно крайне редко влияет на номинативное решение, в то же время гипонимические наименования (лавровый лист, шиповник, гвоздика, перец) могут обуславливать соответствующую номинацию-выбор. Используя объекты, имеющие названия, входящие в языковую систему, мы усложняем лингво-когнитивную задачу и можем наблюдать способы преодоления (если желание одного вообще возникнет у номинатора) «навязываемого» языком понятия и, соответственно, нахождение иных единиц: *избушка на курьих ножках* (палочка гвоздики), *мелкая перкуссия* (шиповник), *древнее племя* (перец) и др.

Таким образом, отбирая объекты для номинирования, мы намечаем векторы дальнейшего анализа. Кроме того, важна и сама процедура проведения эксперимента. Моделируя номинативную ситуацию, имея в виду дальнейшее исследование номинатора, не следует, с нашей точки зрения, лимитировать время, проводить эксперимент сразу с несколькими субъектами или определять последовательность номинации. Приближая к естественной и как можно более упрощая ситуацию, мы получаем шанс наблюдать за протеканием номинативного процесса, что может приподнять завесу над главным вопросом – механизмом сцепления «идеального» и «реального», перехода от замысла к номинативному воплощению в конкретном случае, при участии конкретного номинатора. Поэтому также важна и фиксация «дословесных» действий: колебаний, обращений к одному и тому же предмету, последовательности и самого способа получения знания о данном номинате, способа номинирования, проявляющегося и на экстралингвистическом уровне. Номинативная стратегия репрезентируется и посредством вариантов, мотивировочных комментариев, общего дискурса, т. е. ономаσιологического контекста, в котором пребывает номинатор во время эксперимента. Наблюдательная позиция исследователя в нашем случае принципиальна не только потому, что «существует зависимость между особенностями экспериментатора и испытуемого, в том смысле, что одни и те же качества экспериментатора или его манера поведения могут по-разному влиять на разных испытуемых в зависимости от индивидуальных особенностей последних» [Анастаси, Урбина 2007: 45–46], но также и в силу принципиальной особенности ономаσιологического эксперимента, который, в отличие от классического, призван не столько воздействовать на объект путем создания искусственных условий, сколько наблюдать за ним. Именно поэтому, предлагая «назвать эти предметы», мы не даем дальнейших инструкций, не направляем эмпирический метод в рамках теории, а идем вслед за ним и вслед за ним формируем исследовательскую стратегию.

Литература

- Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб: Изд-во «Питер», 2007.
- Кубрякова Е.С. Актуальные проблемы современной семантики: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГПИ-ИЯ, 1984.
- Рут М.Э. Образная номинация в русской ономастике. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Серебрянников Б.А. Номинация и проблемы выбора // Языковая номинация: Общие вопросы. М.: Изд-во «Наука», 1977. С. 147–187.